

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkii Arkhiv
 Has been issued since 1863.
 E-ISSN: 2413-726X
 2019, 7(2): 95-103

DOI: 10.13187/ra.2019.2.95
www.ejournal16.com

Articles and Statements

Interviews with Eyewitnesses to the Post-Soviet Conflicts in the South of Russia: Specifics of Interviewing and Opportunities as Historical Sources

Evgeniya M. Goryushina ^{a,*}

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

Socio-political transformations caused by the collapse of the USSR led to the emergence of a series of post-Soviet conflicts in the South of Russia and adjacent territories. In turn, conflicts require the study and understanding of their consequences which led to the need to collect oral evidence from eyewitnesses and (or) their participants.

The article describes the key stages in the development of oral history, which is one of the most important tools for reconstructing forgotten stories. It is concluded that over time, oral history has turned into a vast interdisciplinary field of memory studies referring to the interview method.

The specifics of interviewing participants and (or) eyewitnesses to the five armed conflicts are considered separately: the South Ossetian war (1991–1992), the Ossetian-Ingush conflict (1992), the Georgian-Abkhaz war (1992–1993), armed conflicts and counter-terrorism operations in the Chechen Republic (1994–2009) and the armed conflict in South Ossetia (2008).

Keywords: war, armed conflict, interviews, post-Soviet conflict, eyewitness to the conflict, South of Russia.

В 1990-е гг. ряд этнополитических и особенно сецессионных конфликтов на Юге России привели к продолжительному периоду формирования и накопления устных свидетельств их очевидцев и участников. В течение трех последних десятилетий сложились целые комплексы устных источников о военном времени, многие материалы опубликованы в специальных и общих сборниках, часть размещена в электронных СМИ. В последнее время рассказы участников военных событий фиксировали, наряду с отдельными исследователями и рабочими группами, созданными на временной основе, специально созданные центры устной истории: Центр устной истории и биографии Международного Мемориала, Центр устной истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, Региональный центр устной истории Воронежского государственного педагогического университета (в настоящее время – Научно-образовательный центр устной истории Воронежского института высоких технологий), Центр устной истории и визуальной антропологии Пермского

* Corresponding author
 E-mail addresses: esherder@gmail.com (E.M. Goryushina)

государственного гуманитарно-педагогического университета, Научно-образовательный центр «Устная история» Южно-Уральского государственного университета, Центр устной истории Тюменского государственного университета, Центр устной истории Петрозаводского государственного университета, Центр устной истории Музея Новосибирска и многие другие. Часть из них уже прекратила свою деятельность, другие продолжают собирать материалы. Значительное число центров устной истории заняты изучением Великой Отечественной войне, сборе воспоминаний о материальном быте, культуре и мировоззрении в условиях городского пространства в начале XXI в. (Ростовцев, Сосницкий, 2014: 106–126)

В США первый центр устной истории был открыт еще в 1948 г. при Колумбийском университете (Columbia University Center for Oral History Research; CCOHR). В 1967 г. в США была создана Ассоциация устной истории (Oral History Association; ОНА), а в 1973 г. подобная организация – Oral History Society; OHS – появилась в Лондоне.

С 1970-х гг. устная история в Великобритании трансформировалась из метода фольклорных исследований в ключевой компонент социальной истории (Чурсанова, 2012: 180–191), предполагающий, что неакадемическое общество может активно принимать участие в конструировании истории. Феминистки и особенно представители партии лейбористов активно проявляли недовольство способностью традиционной истории передавать опыт «бессильных» и маргинальных слоев общества, в том числе рабочего класса, женщин, меньшинств и иммигрантов. Поскольку традиционная история основывалась на письменных документах, хранящихся в архивах, социальная история, включая гендерные вопросы, нуждалась в сборе личных историй различных социальных групп населения (Steedman, 2007). Интервью как метод устной истории позволил восполнить пробелы в историографической традиции. Многие зарубежные специалисты по изучению устных свидетельств среди очевидцев насилия (Rogers, 2004; Robben, 2005) подчеркивают значимость устной истории, которая применялась, в частности, для изучения Холокоста, политического насилия и травмированных обществ XX в. Латинской Америки, Южной Африки, Ирландии, Индии и др. Ранние практики использования устной истории напоминали, скорее, средство выражения голоса «молчаливого» или «низшего», а методологически тяготели к антропологической традиции представления общества по вертикали (снизу-вверх), в которых главенствующими стал не столько предмет исследования, сколько сопутствующие нарративу эмоции и чувства очевидцев. Устная история столкнулась с методологическими дилеммами, обозначив необходимость обсуждения этики и рефлексии (Das, 2006).

По мере развития устной истории появлялись новые теоретико-методологические аспекты (Miller Rosser, 2009: 475–480), приведшие к отделению смежной отрасли знаний – исследования памяти (memory studies). Новая область знаний нуждалась в разработке собственных теоретико-методологических конструктов и инструментов сбора информации о воспоминаниях (Кринко, 2001: 37–48), постепенно вбирала в себя элементы из различных наук: истории, психологии, литературы, антропологии, социологии, гендерных исследований, политической науки и др.

Центры-пионеры устной истории, созданные в США и Великобритании, не были изначально ограничены сбором воспоминаний исключительно о военном прошлом (Arkhipova, Krinko и др., 2015: 256–266), как это зачастую происходило в период формирования данного направления в России (Ростовцев, 2018: 522–545). Напротив, первые зарубежные центры обозначали широкий спектр задач по сбору устных свидетельств в области окружающей среды, миграции, психосоциальной поддержки в обществе, гендерных вопросов. С одной стороны, развитие устной истории в мире стало ответной реакцией на «застывшую» академическую историю, основанную на письменных источниках. Устная история приобретает новые очертания, начиная с 1970-х гг. Она по-прежнему является одним из важнейших инструментов воссоздания забытых или забываемых историй. Если ранее специалисты по устной истории стремились записать очевидцев какого-либо исторического события, то теперь устная история чаще рассматривается в качестве автобиографического метода, основанного на субъективности рассказчика (Wilson, 2007: 20–39). Развитие устной истории в 1970-х гг. потребовало пересмотра концептуальности самой истории (Thomson, 2007: 49–70). С другой стороны, ключевыми событиями,

побудившими многих исследователей обратиться вместо архивных источников (или в дополнение к ним) к устным свидетельствам очевидцев, стали Вторая мировая война (1939–1945 гг.) (Coffman, 2000: 582–592) и война во Вьетнаме (1964–1975 гг.). Разнообразные источники об этих двух войнах традиционно называют одними из первых широко признанных попыток написания военной истории на основе метода устной истории.

Таким образом, со временем устная история превратилась в обширную междисциплинарную область исследований памяти, которая изучает ее с помощью обращения к методу интервью (Radstone, 2017). Устная история диалогична, представляет собой продукт диалога между интервьюером и интервьюируемым, разговор, в котором первый побуждает второго воссоздавать воспоминания о себе в прошлом. По этому поводу следует привести важный тезис известного специалиста по качественным исследованиям (в том числе по интервью) Ирвинга Сейдмана, для которого «цель глубинного интервью состоит не в том, чтобы получить ответы на вопросы или проверить гипотезу <...> Корень глубинного интервью – это интерес к пониманию жизненного опыта других людей, степень значения этого жизненного опыта для них» (Seidman, 2006: 9).

Профессор Римского университета Ла Сапиенца Алессандро Портелли уточняет, что во время интервью респонденты, как правило, раскрывают ранее неизвестные аспекты событий, или даже описывают доныне неизвестные стороны повседневности (Portelli, 2006: 149–194). В ходе интервью респонденту предлагается воссоздать свои собственные воспоминания и (или) интерпретировать их на основе предлагаемых вопросов. Таким образом, можно сделать заключение о том, что интервью – исследование коллективного и конструктивного характера. Портелли также утверждает, что интервьюеру следует всецело сосредоточиться на интервьюируемом с целью фиксации рассказа, которым респондент может поделиться. И, вероятно, полученный рассказ будет отличаться от того, что интервьюер желал услышать (Portelli, 1981: 96–107). Поэтому очевидно, что структурированное интервью, основанное на стандартной анкете заранее подготовленных вопросов, в меньшей степени скажется на глубине записи устного свидетельства. Несмотря на предварительно подготовленный интервьюером список вопросов, как правило, респонденту задается ряд дополнительных и уточняющих вопросов. Интервьюируемые по-разному воспринимают одни и те же вопросы, а их ответы могут варьироваться по длине, сложности и неоднозначности, что влечет за собой невозможность сопоставления ответов всех респондентов, подведения их к какому-либо усредненному показателю.

Впрочем, с точки зрения британского историка и специалиста по устной истории Пола Томпсона, «отсутствие заранее продуманной повестки интервью или идей ведет к беспорядочным интервью, когда основная цель состоит в записи устного свидетельства, а не поиске информации» (Thompson, 1978: 227). Ценность подобного нарратива проистекает из информации о том, что происходило с респондентом в прошлом, которое зачастую невозможно восстановить другими средствами, а также из того, как он (респондент) запоминает и выражает свой прошлый опыт. Следовательно, фиксация нарратива в рамках устной истории выходит за пределы записи «отчетных» интервью очевидцев о событиях прошлого. Рассказ об опыте, по мнению представителей постструктурализма Джоан Уоллак Скотт и Джудит Батлер, сам по себе является средством, с помощью которого субъекты буквально составляют себя (Scott, 1991: 773–797; Butler, 2005: 4–24). Вместо того чтобы рассматривать субъективность устной истории как существенное препятствие для сбора объективных данных, специалисты в этой области стали рассматривать устную историю как предоставление особой возможности для изучения исторического предмета.

Это также применимо и к постсоветским конфликтам на территории Юга России, а также сопредельных территориях Абхазии и Грузии, письменные источники о которых либо утеряны или уничтожены во время вооруженной фазы, либо в настоящее время засекречены. Поэтому источники личного происхождения, а именно интервью с очевидцами и участниками войн и конфликтов того времени играют особую роль в воссоздании или новом конструировании исторической памяти.

С 2017 г. в Южном научном центре РАН (ЮНЦ РАН) реализуется исследовательский проект Российского научного фонда «Войны и население юга России XVIII – начала XXI вв.: история, демография, антропология», в рамках которого осуществляется запись устных свидетельств о различных войнах и вооруженных конфликтах. В 2017 г. были записаны

25 глубинных интервью с очевидцами и участниками постсоветских конфликтов в 2018 г. – 26, в 2019 г. – 18 интервью. В дополнение был собран ряд экспертных интервью с ведущими специалистами по данной проблематике, в том числе с руководителями поисковых отрядов и объединений, музеев, научными сотрудниками, авторами мемориальных проектов: в 2017 г. – 24, в 2018 г. – 17, в 2019 – 2. Интервью проводились во Владикавказе, Грозном, Краснодаре, Магасе, Майкопе, Малгобеке, Назрани, Ростове-на-Дону, Ставрополе, Элисте, селах Тарское, Сунжа и Чермен Пригородного района Республики Северная Осетия – Алания, селении Средние Ачалуки Малгобекского района Республики Ингушетии, поселке Матвеев Курган Ростовской области и других местах. Подавляющее большинство интервью посвящено двум историческим событиям: вооруженному конфликту и контртеррористическим операциям (КТО) на территории Чеченской Республики (1994–2009) – 23 интервью, осетино-ингушскому конфликту (1992) – 20 интервью. Наименьшим оказалось количество интервью, посвященных южноосетинским событиям 1991–1992 гг. и 2008 г. – 1 и 4 интервью соответственно. По событиям грузино-абхазской войны (1992–1993 гг.) было собрано 19 интервью, 11 из которых хранятся в личном архиве автора, собранном в рамках реализации проекта «Вооруженные конфликты vs. мемориальные конфликты: насилие, память и забвение на Северном Кавказе», выполняемого в рамках государственного задания ЮНЦ РАН.

В рамках этих двух проектов запись интервью сопровождалась немалыми сложностями вследствие доминирования официального дискурса в оценках вооруженных конфликтов, которые проявлялись уже на стадии предварительного согласования записи с респондентами. При командировках в республики Северного Кавказа в адрес научно-исследовательских учреждений, а также ветеранских, поисковых и других организаций, военкоматов и музеев были направлены официальные письма с просьбами об оказании информационного и организационного содействия в сборе устных свидетельств. Наряду с этим широко использовались и личные контакты с потенциальными респондентами. Запись интервью по грузино-абхазской войне и южноосетинским событиям была особенно затруднена отсутствием дипломатических отношений между Россией и Грузией с 2 сентября 2008 г. Поэтому проведение интервью с грузинами оказалось возможным исключительно при использовании личных контактов. Грузинские респонденты отмечали отсутствие интереса у российских исследователей к этой проблематике и активно делились воспоминаниями о повседневности военного времени. Старшее поколение грузин-очевидцев и участников событий периода 1991–1993 гг. хорошо владеет русским языком и беспрепятственно делится воспоминаниями. Рассказывающие об августовских событиях 2008 г. респонденты среднего и младшего возраста хуже знают русский язык, зачастую (в 70 % случаев) отказываясь от интервью без указания причин.

Устные свидетельства по вооруженному конфликту в Южной Осетии (2008 г.) отличаются острыми политическими оценками действий воевавших на тот момент государств. Среди антропологических аспектов конфликта следует выделить процесс бордеризации, который представляет собой укоренившуюся практику передвижения границы («обустройство границы, которую в Тбилиси считают административной, а в Москве и в частично признанных республиках – межгосударственной» (Маркедонов, 2017), где в центре внимания – населенный пункт Гугутианткари). Несмотря на завершившуюся активную вооруженную фазу конфликта, угроза бордеризации может повысить риск военного противостояния между Россией и Грузией, что подтверждается в отдельных интервью (5 из 11 интервью, находящихся в личном архиве автора статьи).

Нарративы респондентов грузинской национальности по событиям 1991–1993 гг. характеризуются разнообразием воспоминаний о мирном сосуществовании русских, абхазов и грузин, но практически все сходятся в оценке проявившихся межнациональных разногласий в период распада СССР. У абхазских респондентов зачастую возникало состояние фрустрации при упоминании грузинского населения, ранее проживавшего в отдельных населенных пунктах (особенно в современных Гулрыпшском и Очамчирском районах Республики Абхазии). Острым остается вопрос относительно оставленного «трофейного» имущества, ранее принадлежавшего грузинам, к которому причисляются оставленные грузинские дома и земельные участки (Квартиры как «военные трофеи», 2019).

Наряду с этим, большая часть грузинских респондентов старшего возраста положительно высказывается о советском прошлом, поддерживая нарратив о едином культурном и политическом пространстве, в то время как респонденты среднего возраста критически воспринимают СССР и отождествляют его с современной Россией. Можно утверждать, что их нарратив о военной повседневности либо сопряжен с политикой, либо полностью лишен элементов рассказа о политических трансформациях периода 1991–1993 гг. Грузинские респонденты, покинувшие территорию современной Абхазии, как правило, не поддерживают связь с бывшими соседями в местах компактного проживания. Они утверждают, что испытывают ностальгию по довоенной Абхазии, особенно – довоенному процветающему Сухуми, активно интересуясь новостными сообщениями о современной жизни республики.

В текстах интервью очевидцев и (или) участников грузино-абхазской войны все еще сохраняются взаимные обвинения, в том числе при обращении к вопросам насильственного исчезновения людей в приграничных районах. Личностное восприятие вооруженных конфликтов у респондентов порой подменялось изложением версий, наиболее распространенных в общественном сознании.

Опросы респондентов – участников и очевидцев вооруженных конфликтов и КТО на территории Чеченской Республики (1994–2009 гг.) показали, что у них до сих пор сохраняются опасения в случае раскрытия и дальнейшего распространения предоставленной ими информации. Это связано с высокой степенью политизированности чеченских событий и неоднозначной памяти о них, которая зачастую сконструирована на основе слухов, мифов и легенд, а также многочисленных источников СМИ. Фиксация памяти о конфликте в Чечне наталкивается на откровенное нежелание большинства респондентов использовать диктофон для записи интервью.

Поэтому в процессе сбора устных свидетельств по вооруженным конфликтам и КТО в Чечне интервьюер должен выстраивать доверительные отношения и соблюдать анонимность респондента. Приходится не указывать места его нахождения во время вооруженной стадии конфликта, либо изменять названия населенных пунктов. При этом респонденты – представители конфликтующих сторон – делились информацией о повседневности, условиях жизни и способах питания. Немаловажными оказались подробности взаимодействия чеченского населения и российских войск, отношения последних к чеченским женщинам, которых следовало сторониться (по словам большинства респондентов).

В постсоветских конфликтах можно говорить о трансформации отношения их участников и очевидцев к оружию, необходимости обороны и защиты своей семьи. Это особенно проявляется в условиях кавказского традиционного общества, что подтверждают многие интервью с чеченцами-респондентами. Интервью с ними характеризуют нарративы о практиках выживания не отдельно взятого человека, как в случае с представителями российских войск, а групп людей, целых семей, которым порой приходилось хоронить убитых, вопреки мусульманским традициям. Индикаторным для интервьюера стал вопрос: «Что для вас оружие – способ защиты или убийства?» в различных вариациях. Причем повторные упоминания данного вопроса на разных этапах интервью приводили к неожиданным результатам. Зачастую респонденты отказывались от приведения подробных деталей об использовании оружия, редко (и это, как правило, военные либо сотрудники силовых органов) соглашались описать незначительные детали использования оружия в бою или перебои с поставкой вооружения, особенно во время штурма г. Грозного. В других случаях респонденты – местные жители населенных пунктов на территории Чечни – упоминали об использовании оружия, как правило, того, которое хранилось в каждой семье, с целью защиты семьи, либо личной самообороны (Горюшина, 2019: 238–268).

Многие респонденты – представители российских войск – нередко апеллировали к фатализму, отвергая удачу, любую вероятность, случайность, принимая войну и военные действия как события, в которых им невозможно было осуществить собственный выбор.

В текстах интервью отчетливо прослеживается дифференциация последствий двух этапов чеченского вооруженного конфликта: респонденты отмечают различное восприятие не только военных действий 1994–1996 гг. и 1999–2009 гг. (до момента снятия КТО), но и их участников. Отдельные респонденты делятся чувством несправедливости относительно

распределения наград и социальных льгот участникам военных действий «первой чеченской» и «второй чеченской» войн. Участники первого этапа вооруженного конфликта в Чечне, как правило, задаются вопросами о смысле войны, массовых потерях во время зимнего штурма чеченской столицы и необходимости войны 1994 г.

Отдельно следует раскрыть специфику интервьюирования по осетино-ингушскому конфликту в силу высокой степени чувствительности его последствий. Процесс записи в г. Назрани координировался волонтерами ингушской общественной организации по поиску без вести пропавших, которые заранее осуществили отбор респондентов-ингушей. Напротив, процесс записи в г. Владикавказе не отличался рефреном о поиске без вести пропавших, а выстраивался вокруг предположения и в отдельных случаях уверенности в том, что ингушская сторона заведомо знала о вооруженной стадии конфликта 1992 г. и не предупредила осетинских соседей в местах смешанного проживания ингушей и осетин. Многие осетинские респонденты фиксировали исчезновение ингушей с территории Владикавказа, населенных пунктов Пригородного района незадолго до активных боевых действий. Как показывают тексты интервью, конфликтующие стороны по-разному видят истоки конфликта. Ингуши-респонденты усматривают причины конфронтации в послевоенной депортации ингушей и произвольном изменении административных границ в регионе.

В отдельных случаях проведение интервью сопровождалось ознакомлением с автокоммуникативными источниками (дневниками самих респондентов, перепиской с представителями органов республиканского и федерального значения). Немногие респонденты делились подобными источниками, объясняя это нежеланием обращаться к воспоминаниям, и зачастую проявляя опасения по поводу их дальнейшей судьбы. Практически во всех интервью с респондентами-ингушами прослеживался нарратив о потере одного или сразу нескольких родственников, останки которых не были найдены и преданы земле. Некоторые ингуши-респонденты на момент записи интервью сохраняли надежду обнаружить своих родственников живыми, но находящимися, по их предположению, в условиях насильственного удержания.

Записанные интервью с очевидцами и участниками осетино-ингушского конфликта демонстрируют неурегулированность конфликта, высокую актуальность поиска без вести пропавших. Постконфликтная стадия осложнилась тем, что территориальные притязания по поводу Пригородного района до сих пор находят общественный отклик как у ингушей, так и у осетин, выступая факторами сохраняющихся противоречий.

Процесс записи интервью по постсоветским конфликтам предполагает, что интервьюер должен быть готов к психологическому сопротивлению респондента, его непрожитым эмоциям и чувствам, которые в случае экологичного процесса записи могут быть вызваны из памяти респондента непосредственно во время самого интервью. Поэтому запись устных свидетельств не должна привести к системным негативным последствиям в жизни респондента, обеспечивая экологичность всего процесса. Возможно, термин «экологичность» в данном случае требует корректного обращения с памятью респондента, его личными границами и желанием, либо нежеланием отвечать на определенные вопросы. Интервьюеру крайне важно показать и убедить очевидца событий в том, что записанная информация будет использована исключительно в научных целях: изучения многочисленных аспектов конфликтов, сохранения и фиксации этих воспоминаний в научно-исследовательских публикациях, а его участие сохранится на условиях анонимности.

Изучение вооруженных конфликтов с помощью интервью представляет собой перспективный исследовательский метод. Он способствует комплексному изучению не только самих причин и последствий конфликтов, но и повседневности их участников и очевидцев, отражения указанных событий в их памяти.

Благодарности

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект №17-18-01411.

Литература

Горюшина, 2019 – Горюшина Е.М. Рядовой бесславной войны: интервью с участником зимнего штурма Грозного 1994 г. // *Новое прошлое*. 2019. № 1. С. 238–268.

Квартиры как «военные трофеи», 2019 – Квартиры как «военные трофеи» // Новая Газета. 16.08.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/08/16/81631-abhaziya-kvartiry-kak-voennye-trofei-vernut-li-ih-vladeltsam> (дата обращения: 21.11.2019).

Кринко, 2001 – Кринко Е.Ф. Устная история, ее проблемы и возможности // Вопросы теории и методологии истории. Сборник научных трудов. Майкоп: Издательство АГУ, 2001. Вып.3. С. 37–48.

Маркедонов, 2017 – Маркедонов С.М. Последний довод. Чем опасны Абхазия и Южная Осетия для конфронтации России и Запада // Московский центр Карнеги, 31.10.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/74577> (дата обращения: 21.11.2019).

Ростовцев, 2018 – Ростовцев Е.А. Российская наука об устной истории // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2018. Т. 63. Вып. 2. С. 522–545.

Ростовцев, Сосницкий, 2014 – Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2014. №. 2. С. 106–126.

Чурсанова, 2012 – Чурсанова И.А. Проблема соотношения истории и социальной памяти: опыт теоретической реконструкции // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Философия. 2012. №. 2. С. 180–191.

Arkhipova i dr., 2015 – Arkhipova E.V., Krinko E.F., Ryblova M.A., Khlynina T.P. Children of Stalingrad Talk about Themselves: Characteristics and Problems of Recording the Memories of Witnesses // *Russkii Arkhiv*. 2015. Vol. (10). Is. 4. Pp. 256–266.

Butler, 2005 – Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity // *Political Theory*. 2005. Т. 4. С. 4–24.

Coffman, 2000 – Coffman E.M. Talking about war: Reflections on doing oral history and military history // *The Journal of American History*. 2000. Т. 87. № 2. С. 582–592.

Das, 2006 – Das V. Life and Words: Violence and the Descent into the Ordinary. University of California Press, 2006. 296 с.

Miller Rosser, 2009 – Miller-Rosser K. et al. Analysing oral history: A new approach when linking method to methodology // *International Journal of Nursing Practice*. 2009. Т. 15. № 5. С. 475–480.

Portelli, 1981 – Portelli A. The peculiarities of oral history // *History workshop journal*. Oxford University Press, 1981. Т. 12. №. 1. С. 96–107.

Portelli, 2006 – Portelli A. Oral history: a collaborative method of (auto) biography interview // *The Practice of Qualitative Research*, SAGE Publications, Thousand Oaks, CA, 2006. С. 149–194.

Radstone, 2017 – Radstone S. Memory, history, nation: contested pasts. Routledge, 2017. 280 p.

Robben, 2005 – Robben A.C. G. M. Political violence and trauma in Argentina. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2005. 480 p.

Rogers, 2005 – Rogers K.L., Leydesdorff S., Dawson G. (ed.). Trauma: Life stories of survivors. Transaction Publishers, 2004. 262 p.

Scott, 1991 – Scott J.W. The evidence of experience // *Critical inquiry*. 1991. Т. 17. №. 4. Pp. 773–797.

Seidman, 2006 – Seidman I. Interviewing as qualitative research: A guide for researchers in education and the social sciences. Teachers College Press, 2006. 162 p.

Steedman, 2007 – Steedman C. Master and Servant: Love and Labour in the English Industrial Age. Cambridge: Cambridge University Press. 2007. 262 p.

Thompson 1978 – Thompson P. The voice of the past: Oral history. New York: Oxford University Press, 1978. 504 p.

Thompson, 2007 – Thomson A. Four Paradigm Transformations in Oral History // *The Oral History Review*. 2007. Т. 34. №. 1. Pp. 49–70.

Wilson, 2007 – Wilson R.A. Combining historical research and narrative inquiry to create chronicles and narratives // *The Qualitative Report*. 2007. Т. 12. №. 1. Pp. 20–39.

References

- Goryushina, 2019** – Goryushina E.M. (2019). Rjadovoj besslavnoj vojny: interv'ju s uchastnikom zimnego shturma Groznogo 1994 g. [A Private of the Inglorious War: an Interview with a Participant in the Winter Assault of the Grozny in 1994]. *Novoe proshloe*. №. 1, pp. 238–268. [in Russian]
- Kvartiry kak “voennye trofei”, 2019** – Kvartiry kak “voennye trofei” [Apartments as “war trophies”]. *Novaja Gazeta*. August 16, 2019. [Electronic resource]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/08/16/81631-abhaziya-kvartiry-kak-voennye-trofei-vernut-li-ih-vladeltsam> (accessed on: November 21, 2019). [in Russian]
- Krinko, 2001** – Krinko E.F. (2001) Ustnaja istorija, ee problemy i vozmozhnosti [Oral history, its challenges and opportunities]. *Voprosy teorii i metodologii istorii* [Questions of theory and methodology of history]. Collection of scientific articles. Maykop: Adygea State University Publishing House, Is. 3, pp.37–48. [in Russian].
- Markedonov, 2017** – Markedonov S.M. (2017). Poslednij dovod. Chem opasny Abhazija i Juzhnaja Osetija dlja konfrontacii Rossii i Zapada [The last argument. Why are Abkhazia and South Ossetia are dangerous for confrontation between Russia and the West]. *Moskovskij centr Karnegi*, October 31, 2017. [Electronic resource]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/74577> (accessed on: November 21, 2019). [in Russian]
- Rostovcev, 2018** – Rostovcev E.A. (2018). Rossijskaja nauka ob ustnoj istorii [Russian science on oral history]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija*. Vol. 63, is. 2, pp. 522–545. [in Russian]
- Rostovcev, Sosnickij, 2014** – Rostovcev E.A., Sosnickij D.A. (2014). Napravlenija issledovanij istoricheskoi pamjati v Rossii [Research directions of historical memory in Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 2. Istorija*. №. 2, pp. 106–126. [in Russian]
- Chursanova, 2012** – Chursanova I.A. (2012). Problema sootnoshenija istorii i social'noj pamjati: opyt teoreticheskoi rekonstrukcii [The problem of the relationship between history and social memory: the experience of theoretical reconstruction]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. Filosofija. № 2, pp. 180–191. [in Russian]
- Arhipova, Krinko et al., 2015** – Arhipova E.V., Krinko E.F., Ryblova M.A., Khlynina T.P. (2015). Children of Stalingrad Talk about Themselves: Characteristics and Problems of Recording the Memories of Witnesses. *Russkii Arkhiv*. Vol. 10, is. 4, pp. 256–266. [in Russian]
- Butler, 2005** – Butler J. (2005). Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. *Political Theory*. Vol. 4, pp. 4–24.
- Coffman, 2000** – Coffman E.M. (2000). Talking about war: Reflections on doing oral history and military history. *The Journal of American History*. Vol. 87. № 2, pp. 582–592. [in English]
- Das, 2006** – Das V. (2006). Life and Words: Violence and the Descent into the Ordinary. University of California Press, 296 p.
- Miller Rosser, 2009** – Miller-Rosser K. et al. (2009). Analysing oral history: A new approach when linking method to methodology. *International Journal of Nursing Practice*. Vol. 15. №. 5, pp. 475–480.
- Portelli, 1981** – Portelli A. (1981). The peculiarities of oral history. *History workshop journal*. Oxford University Press. vol. 12. №. 1. pp. 96–107.
- Portelli, 2006** – Portelli A. (2006). Oral history: a collaborative method of (auto) biography interview. *The Practice of Qualitative Research*, SAGE Publications, Thousand Oaks, CA, pp. 149–194.
- Radstone, 2017** – Radstone S. (2017). Memory, history, nation: contested pasts. Routledge, 280 p.
- Robben, 2005** – Robben A.C.G.M. (2005). Political violence and trauma in Argentina. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 480 p.
- Rogers, 2005** – Rogers K.L., Leydesdorff S., Dawson G. (ed.). (2004). Trauma: Life stories of survivors. – Transaction Publishers, 262 p.
- Scott, 1991** – Scott J.W. (1991). The evidence of experience. *Critical inquiry*. Vol. 17. №. 4, pp. 773–797.
- Seidman, 2006** – Seidman I. (2006). Interviewing as qualitative research: A guide for researchers in education and the social sciences. Teachers College Press. 162 p.

Steedman, 2007 – Steedman C. (2007). *Master and Servant: Love and Labour in the English Industrial Age*. Cambridge: Cambridge University Press, 262 p.

Thompson 1978 – Thompson P. (1978). *The voice of the past: Oral history*. New York: Oxford University Press, 504 p.

Thompson, 2007 – Thompson A. (2007). Four Paradigm Transformations in Oral History. *The Oral History Review*. Vol. 34. №. 1, pp. 49–70.

Wilson, 2007 – Wilson R.A. (2007). Combining historical research and narrative inquiry to create chronicles and narratives. *The Qualitative Report*. Vol. 12. №. 1, pp. 20–39.

Интервью с очевидцами постсоветских конфликтов на Юге России: специфика проведения и возможности использования как источников

Горюшина Евгения Михайловна ^{а, *}

^а Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Социально-политические трансформации, вызванные распадом СССР, привели к появлению череды постсоветских конфликтов на Юге России и сопредельных территориях. В свою очередь, конфликты потребовали изучения и осмысления их последствий, что привело к необходимости сбора устных свидетельств у очевидцев и (или) их участников.

В статье описываются ключевые этапы становления устной истории, которая является одним из важнейших инструментов воссоздания забытых или забываемых историй. Делается заключение о том, что со временем устная история превратилась в обширную междисциплинарную область исследований памяти, которая изучает ее с помощью обращения к методу интервью

Отдельно рассматривается специфика интервьюирования участников и (или) очевидцев пяти вооруженных конфликтов: южноосетинская война (1991–1992), осетино-ингушский конфликт (1992), грузино-абхазская война (1992–1993), вооруженные конфликты и контртеррористические операции на территории Чеченской Республики (1994–2009) и вооруженный конфликт в Южной Осетии (2008).

Ключевые слова: война, вооруженный конфликт, интервью, постсоветский конфликт, очевидец конфликта, Юг России.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: esherder@gmail.com (Е.М. Горюшина)